

МИХАИЛ КУЗНЕЦОВ ЧИТАЕТ И РАЗГОВАРИВАЕТ

НЕТ никакого секрета в том, что на встречи с киноактерами, где бы эти встречи ни случались, валом валит народ. Миллионам любителей кино очень хочется знать: каков ты есть в реальной жизни — герой «мерцающего чуда»?

На этот законный зрительский вопрос отвечают, надо сказать, не часто и в общем-то весьма примитивно.

Обычно это групповой или индивидуальный акс-промпт в духе: «Помню, как сейчас, братцы мои, стою, значит, я перед объективом на берегу Черного моря...». География и острота сюжетной коллизии таких рассказов — величины переменные. Замечательно устойчиво только стремление поразить «непосвященных» лихой экзотикой киномира.

Женский вариант выступлений часто осложнен дорогим туалетом, изощренной прической или трогательным экскурсом в детство.

Самое большее, на что может рассчитывать доверчивый зритель, — это коротенькая сценка из старого фильма с неперменной песенкой... Увы, оказавшись без могущественной поддержки изобразительных средств современного кино, артист зачастую выдает лишь суррогат сценарных ремарок. Не спасают и пережившие свою популярность песенки.

За последние годы распространился еще один способ внеэкранного общения киноактеров со зрителем, способ, сильно смахивающий на древние ристалища. Составляется грандиозная афиша: длинный список знаменитостей. На стадионы стекаются тысячные толпы. Шум, треск, лучи прожекторов, оглушительная помпа! А в сущности — все тот же суррогат, довольно утомительный и не всегда интересный.

Наш зритель идет на творческую встречу с советским артистом вовсе не для того, чтобы только поглядеть на заезжую диковину. Людей привлекает возможность пусть короткого по времени, но зато близкого общения с художником, надежда лучше понять его, обогатиться духовно. Да и сами артисты немало полезного могут получить от этих встреч.

Но как все-таки они должны быть организованы? Вот один из плодотворных, на наш взгляд, опытов в этом направлении.

Недавно большую поездку по городам Западной Украины и Молдавии совершил Михаил Кузнецов. Более тридцати сольных концертов талантливого артиста заставляют обстоятельного и доброго разговора.

Прежде всего эти выступления, рассчитанные на аудиторию филармонического или клубного зала, отмечены безупречным вкусом, интеллигентны от начала до конца. И необычны...

Сказав несколько приветливых слов собравшимся (это похоже на первое, очень сдержанное, почти деловое знакомство), М. Кузнецов начинает... читать стихи. Спервоначально такой поворот обескураживает. Быть может, артисту хочется поскорее отделаться от кое-каких «обязательных доверков» программы, чтобы перейти по установившейся традиции к занимательным рассказам о своей работе в кино?

Но вот прочитаны «Баналь-

ная баллада» В. Лившица, «Строгая вожатая» Ю. Яковлева, «Зимняя ночь» К. Ваншенкина. И в зал, уже полоненный артистическим обаянием исполнителя, незаметно проникает сознание, что вот это чтение и есть самое интересное, самое значительное событие сегодняшнего вечера.

Исполнение М. Кузнецова с эстрады отличается той сдержанностью, что убедительнее всего свидетельствует об уме и внутренней культуре человека. Красивый, мягкого тембра голос чрезвычайно послушен артисту. В нем легко находится множество оттенков; всякому слову придается естественная окраска, замечательно точная смысловая интонация.

Кажется порою, что артист даже слишком расчетлив, чуть ли не скуповат в жесте, в мимике. Ему ли, так любящему на экране крупный план, сильное, энергичное движение, сдерживать себя на сцене!

А он сдерживает, не позволяет ничего мало-мальски лишнего во внешних дополнениях к слову. И только слушая в его исполнении рассказ К. Паустовского «Воитель», понимаешь, сколь глубоки основания для такой весомой и строгой манеры.

На эстраду М. Кузнецов принес ясное видение особой, только искусству художественного слова свойственной природы перевоплощения. Ему кажется важным не столько показать характер, образ, явление, сколько дать о них заразительно точное представление. Артист смело обращается к ум слушателей, сообщая прежде всего смысл и настроение повествования.

Именно поэтому «Воитель» читается им с некоторой даже небрежностью, с той быстрой плавностью, что свойственна течению степных русских рек. Он не стремится выделить пейзажный мотив, чем так часто грешат многие, читающие с эстрады Паустовского. Напротив, все внимание исполнителя отдано смыслу речей деда Семена и дяди Василия.

И раскрывается перед слушателями большая душа простого, шумливого и беспокойного русского человека, воителя за добрые дела на земле. Удивительно соразмерным оказывается тут пейзаж, по-русски ненавязчивый, очерченный как бы походя. Живые картины событий, метко схваченные портреты — все играет, все «пахнет правдой», подобно талантливой зарисовке в похожем альбоме.

Наверное, только так и следует читать Паустовского.

Можно было бы написать много хороших слов о том, как М. Кузнецов читает очаровательную миниатюрку В. Старкова «Девушка торопится на танцы» или едкие строки «Иронической смеси», как необычно звучат в его исполнении «Романс» Н. Будашкина и «Летняя песенка» М. Блантера. Можно (а, вероятнее всего, надо бы!) поразмыслить над курьезом: три-четыре сценки из кинофильмов (апробированные, ударные и, конечно же, с песнями!) оказались в программе концерта самыми неинтересными, говоря откровенно, просто лишними. Все это, однако, не влияет на основной вывод: сольный

концерт М. Кузнецова познакомил нас еще с одной стороной его дарования, а не слишком многочисленный отряд артистов художественного слова пополнился зрелым мастером, вполне достойным своей популярностью.

Конечно же, участнику таких фильмов, как «Без вести пропавший» и «ЧП», «Марья-искусница» и «Матрос Чижик», трудно было обойти молчанием свою работу в кино. Да и зачем ее обходить — такую в самом деле увлекательную профессию? Иной вопрос: что и как рассказать людям, посвятившим часы своего отдыха более близкому знакомству с тобой?

М. Кузнецов говорит с эстрады просто и искренне, с громадным доверием аудитории. В начале второго отделения он выходит на сцену с внушительной пачкой записок в руках. Вопросы самые разные — порою трогательно непосредственные, порою почти профессиональные по глубине и смыслу. Есть и такие, что способны хоть кого поставить в тупик («Почему у нас мало хороших фильмов о любви?», например).

Ответы рождаются тут же, без малейшего промедления, без пауз. И полностью исчерпывают расстояние между залом и эстрадой, рождаются близкий душевный контакт умных, с полуслова понимающих друг друга собеседников.

Нет, М. Кузнецов не соображается проторенным путем, он тактично уходит от разговоров о собственной персоне. Зато зрители как бы становятся свидетелями и в значительной мере соучастниками больших, серьезных раздумий артиста о судьбах, о тенденциях нашего советского киноискусства. Попутно сообщает много любопытного о мастерах кино, о новых замыслах, раскрываются подлинные трудности творческих исканий, сомнения и надежды человека, которому бесконечно дорога слава отечественного кино. И достаточно одного взгляда в зал, чтобы увидеть, с какой жадностью воспринимается такая беседа.

Вероятно, это совсем не просто — преуспеть в жанре беседы-экскурса. Выучиться этому невозможно. Надо иметь за душой нечто такое, чем можно щедро поделиться с окружающими. И лишний раз убеждаешься в том, как важно для художника в наше время неустанно оттачивать свой интеллект, тревожить ум значительными мыслями, обогащать его знаниями, делать самого себя — да, именно делать себя! — неординарной, примечательной, общественно весомой личностью!

Итак, в концерте не было показной «массовости», помпы, литавр. Зато был подлинный артистизм, большая интеллектуальная отдача и как естественное следствие настоящий творческий успех. Последнему немало способствовали певица Ангелина Трост и пианист Л. Файнштейн.

Интеллект и артистичность — не этим ли, кстати, определяется истинно современный стиль советского актера?

И. ШВЕДОВ,
соб. корр. «Советской культуры»,
ЛЬВОВ — МОСКВА.